

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ

ОПЫТ БЫСТРОГО ЧТЕНИЯ

«Стихи о неизвестном Солдате» Осипа Мандельштама

Памяти О. Р.

Сложнейшие «Стихи о неизвестном солдате» (1937) — это и камень Грааля, но и камень преткновения для исследователей творчества Мандельштама. Очень многие мандельштамоведы в какой-то момент своей научной биографии решали для себя — «готов!» — и принимались упоенно анализировать самое длинное и самое темное стихотворение поэта. Было сделано множество ценнейших наблюдений, выявлено несколько убедительнейших подтекстов, однако стихотворение в целом продолжает оставаться загадочным и недопонятым.

И вот мы тоже ощущаем, что не в силах более противиться желанию предъять результаты собственного (недо)понимания этого эпохального текста, так сказать, *urbi et orbi*.

Самым удобным способом интерпретации показалось нам построфное комментирующее чтение стихотворения¹. Отброшенные поэтом строфы и строки для объяснения темных мест не привлекались. Ловлей подтекстов в этой работе мы тоже почти не занимались, а из наблюдений предшественников самыми существенными для нас оказались два — одно более общее, другое более частное.

Более общее — вчитываясь в строки «Стихов о неизвестном солдате», нужно все время держать в памяти ключевой микрофрагмент из мандельштамовского «Разговора о Данте» (1933): «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку»².

Более частное наблюдение — современники автора «Стихов о неизвестном солдате» хорошо помнили то страшное и символическое впечатление, которое на все человечество произвело появление в небе аэропланов в годы Первой мировой войны. Теперь и Небо воспринималось не как утешитель и свидетель, а как активный участник кровопролитных сражений. Соответственно, новый смысл обрела привычная для описания войны метафора Апокалипсиса — кары Неба человечеству за его грехи.

Разумеется, очень часто мы будем совпадать в своих гипотезах и выводах с филологами, анализировавшими «Стихи о неизвестном солдате» до нас, а иногда — просто использовать их замечательные находки. После некоторых колебаний и размышлений мы решились в данном варианте работы не загромождать текст бесчисленными ссылками.

Заранее просим прощения у всех без желания обиженных.

Лекманов Олег Андершанович — филолог, литературовед. Родился в 1967 году в Москве. Окончил Московский педагогический университет. Доктор филологических наук, профессор факультета филологии НИУ ВШЭ. Автор книг «Книга об акмеизме и другие работы» (Томск, 2000), «Осип Мандельштам» (М., 2004) и др. Живет в Москве.

¹ Как известно, стихотворение Мандельштама насчитывает множество редакций. Мы разбирали его по тексту, напечатанному в издании: Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3-х тт. Т. 1. М., 2009, стр. 228 — 231.

² Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3-х тт. Т. 2. М., 2010, стр. 166.

(I) Этот воздух пусть будет свидетелем,
 Дальнобойное сердце его,
 И в землянках, всеядный и деятельный,
 Океан без окна — вещество.

Под «воздухом» здесь, очевидно, подразумевается *небо* в двух его воплощениях: (а) небо над полем битвы со стучащим «сердцем»-военным аэропланом в эпицентре (в которое, возможно, целится дальнобойное орудие, и которое само может выступить в роли дальнобойного орудия) и: (б) небо («воздушный океан»), заполняющее собой окопы и землянки (в землянках, в отличие от обыкновенных домов нет окон, поэтому и небесное «вещество» изображается у Мандельштама «без окна»).

Почему окопный «воздух» тоже описывается как небо? Потому, что смерть теперь правит бал и на небе, и на земле, и под землей, следовательно, разница между «воздухом» *над* землей и *под* землей утрачивается. Соответственно, оба неба призываются в свидетели на грядущем Страшном Суде (ср. идиому: «Призываю небо в свидетели!»).

(II) До чего эти звезды изветливы!
 Все им нужно глядеть — для чего? —
 В осуждение судьи и свидетеля,
 В океан без окна, вещество...

«Судебная» тема развивается. Картина дополняется образом звезд-доносчиц («изветливы» от «навет»). Доносят они Богу на небо, которое раньше выступало в роли «судьи» над воюющими людьми или величественного «свидетеля» кровопролитных битв (ср., например, соответствующие сцены «Войны и мира»), а теперь само оказалось втянутым в мясорубку войны и потому «осуждается».

(III) Помнит дождь, неприветливый сеятель,
 Безымянная манна его,
 Как лесистые крестики метили
 Океан или клин боевой.

Начнем с попытки объяснения 3-й — 4-й строк этой строфы: словосочетание «клин боевой» наводит на мысль, что «крестики», метящие воздушный «океан» — это аэропланы с деревянными («лесистыми») крыльями и фрагментами корпуса. Но «лесистые крестики» — это, без сомнения, и деревянные могильные кресты. Таким образом, небо и земля как место гибели и даже возможного упокоения сражающихся солдат вновь и уже более явственно предстают в стихотворении отраженными друг в друге (еще более прямо об этом будет сказано в V-й строфе). Если принять эту интерпретацию, то «дождь» из первой строки третьей строфы без насилия над текстом превратится в «неприветливого сеятеля» сбрасываемых с аэроплана бомб, без разбора дарующих свою страшную «безымянную манну» находящимся внизу солдатам. Тогда эпитет «безымянная» (смерть) из второй строки этой строфы встает в один ряд с эпитетом «неизвестный» (солдат) из заглавия всего стихотворения.

(IV) Будут люди, холодные, хилые,
 Убивать, холодать, голодать —
 И в своей знаменитой могиле
 Неизвестный положен солдат.

В этой строфе для нас самое интересное — соотношение прошедшего и будущего времен. Ничто не мешало Мандельштаму начать третью строку со слова «хоть», и тогда бы смысл высказывания был предельно ясным: люди все равно будут убивать друг друга, хотя трагический символ прошедшей войны (могила неизвестного солдата), казалось бы, мог послужить для сражающихся предостережением.

Но у Мандельштама, кажется, речь идет о другом: люди *еще* только «будут» убивать друг друга на полях сражений, а «неизвестный солдат» *уже* «положен» в своей «знаменитой могиле». Подобно тому, как одно пространство (земля) в стихотворении отражается в другом (небе), а небо — в земле, будущее в «Стихах о неизвестном солдате» отражается в прошлом, а прошлое — в будущем (ср. далее в финальной строфе стихотворения: «...и столетья / Окружают меня огнем» — и предшествующие, и грядущие).

(V) Научи меня, ласточка, хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилой
Без руля и крыла совладать.

В этой строфе (где впервые в стихотворении появляется «я») план укрупняется: перед нами уже не обобщенные поле битвы, звезды, дождь и люди, а конкретный падающий самолет и погибающий в нем летчик. Особое внимание обратим на словосочетание «воздушной могилы» из 3-й строки этой строфы, в котором сконденсировано, намеченное ранее со(противо)поставление земли и неба. Поскольку теперь убивают и в небе, прямо там можно хоронить, как раньше хоронили в земле (к которой неуклонно приближается «ласточка»-аэроплан). Не обойтись в данном случае и без указания на многократно отмеченный подтекст — «Демон» Лермонтова с его строками: «На воздушном океане / Без руля и без ветрил / Тихо плавают в тумане / Хоры стройные светил».

(VI) И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет,
Как горбатого учит могила
И воздушная яма влечет.

Еще один крупный план. Цитата из «Демона» ассоциативно притягивает в стихотворение упоминание о Лермонтове — поэте и воине, за судьбу которого автор (тоже поэт) готов дать «строгий отчет» погибающей ласточке-аэроплану (или читателю? или Богу на Страшном Суде?) Здесь впервые в «Стихах о неизвестном солдате» намечается собственное местоположение Мандельштама относительно участников всех прошлых и будущих войн. Он — рассказчик о трагических событиях. Авиационный термин уже и того времени «воздушная яма» перекликается в строфе с «воздушной могилой» из предыдущего четверостишия.

(VII) Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры,
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий жиры...

Здесь — возвращение общего плана. Изображаются звезды — символ карающего неба, доносчики на Страшном Суде («ябеда») и, возможно, — похожие на падающие звезды, сбрасываемые с аэропланов бомбы. Кроме того, поэт развивает, возникшую еще в зачине стихотворения тему еды и голода на войне («всеядный» (I) — «манна» (III) — «голодать» (IV) — «виноградинами», «ягодами», «жиры» (VII)). Но, наверное, самое главное для нас — это отметить впервые заявленную в комментируемом фрагменте тему *губительного* света, падающего на землю с неба, не света жизни (традиционная интерпретация этого мотива в поэзии), а света смерти. В VII фрагменте содержится ответ на вопрос II строфы: «для чего» звездам «нужно глядеть» на поле боя? Для того чтобы угрожать человечеству карой небесной.

(VIII) Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей,
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.

В строфе развивается тема смертоносного света, в 1-й — 2-й строках освещающего давние наполеоновские кровопролитные битвы в Египте и Сирии добивающего (в 3-й — 4-й строках) до современности, бьющего в глаза современному поэту-рассказчику.

(IX) Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте —
Доброй ночи, всего им хорошего
От лица земляных крепостей.

В строфе, во-первых, возобновляется со(противо)поставление неба (как «пустоты») и земли («землянки» здесь это и окопы на поле боя, и могилы) и, во-вторых (в 3-й — 4-й строках), вводится тема милосердной ночной (и земляночной) тьмы, неброско противопоставленной жестокому свету. В первой строке IX строфы начинает разворачиваться циническая тема коммерческой выгоды войны («задешево»), которая будет продолжена в X, XIV и XVI строфах.

(X и XI) Неподкупное небо окопное,
Небо крупных оптовых смертей —
За тобой, от тебя, целокупное,
Я губами несусь в темноте —

За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил, —
Развороченных — пасмурный, оспенный
И придымленный гений могил.

Попробуем прочесть эти две, на первый взгляд, очень темные строфы, опираясь на нашу интерпретацию предыдущих фрагментов «Стихов о неизвестном солдате» и, тем самым, проверяя их на убедительность.

«Небо окопное» — это «воздух» из «землянок» (ср. в I-й строфе), который образует нерасчленимую целокупность с подлинно небесным «воздухом» (ср. в том же I-м четверостишии). Целокупность эта складывается потому, что в небе теперь, как и на земле, убивают («небо смертей»).

Эпитеты «неподкупное» и «крупных оптовых» продолжают коммерческую тему, начатую в IX строфе.

Строки «За тобой, от тебя, целокупное, / Я губами несусь в темноте» развивают автометаописательную тему поэта, рассказывающего о войне (ср. в VI строфе) в спасительной тьме (ср. в IX строфе), сменившей апокалипсическую вспышку света (ср. в VII и VIII строфах). А в целом образ несущегося в темном небе над полем битвы поэта, обрамленный мотивами, уже встречавшимися нам в VI-й, «лермонтовской» строфе «Стихов о неизвестном солдате», как представляется, провоцирует читателя вообразить себе главного героя произведения, цитировавшегося в этой строфе — демона.

(XII) Хорошо умирает пехота,
И поет хорошо хор ночной
Над улыбкой приплюснутой Швейка,
И над птичьим копьём Дон-Кихота,
И над рыцарской птичьей плюсной.
И дружит с человеком калека —
Им обоим найдется работа,
И стучит по околицам века
Костылей деревянных семейка —
Эй, товарищество, — шар земной!

В зачине строфы ратный труд солдат-пехотинцев сопоставляется с пением погребального хора (в том числе и хора ночных светил?) и тем самым — с «трудовой деятельностью» поэта, поющего скорбную песнь «над» телами погибших ранее воинов (и, одновременно, знаковых персонажей истории мировой литературы). Эти воины перечисляются в неслучайном порядке: от новейшего времени (Швейк) к Возрождению (Дон-Кихот) и Средневековью (рыцарь). Во второй половине комментируемого фрагмента литературные ассоциации, как представляются, дополняются живописными в духе Босха или Брейгеля старшего. В финальной строке впервые в стихотворении возникает граждански окрашенная («товарищество») и по сути своей — оптимистическая тема взаимовыручки людьми друг друга.

(XIII) Для того ль должен череп развиваться
 Во весь лоб — от виска до виска,
 Чтоб в его дорогие глазницы
 Не могли не вливаться войска?
 Развивается череп от жизни
 Во весь лоб — от виска до виска,
 Чистотой своих швов он дразнит себя,
 Понимающим куполом яснится,
 Мыслью пенится, сам себе снится —
 Чаша чаш и отчизна отчизне —
 Звездным рубчиком шитый чепец —
 Чепчик счастья — Шекспира отец...

Перевод с темного языка стихотворения на общечеловеческий: для того ль человечество тысячелетиями развивало свой интеллект, чтобы он послужил созданию смертоносного оружия? Нет! Интеллект развивается от служения жизни, а не смерти, и тогда вмещающий его череп становится похожим на храм, вырастая до звезд и порождая таких титанов мысли, как Шекспир.

(XIV) Ясность ясенева, зоркость яворова
 Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
 Как бы обмороками затоваривая
 Оба неба с их тусклым огнем.

Ясень и явор — это деревья. То есть, Мандельштам возвращается к образности III-й строфы, где изображались аэропланы с деревянными деталями корпуса и V-й строфы, в которой описывалось падение аэроплана на землю (хотя, разумеется, детали аэропланов *не* делались из ясеня и явора). По-видимому, и в комментируемой строфе речь идет о том, как подбитый аэроплан «мчится» к земле, к месту, где его изготовили («в свой дом»), «чуть-чуть» красный от стыда за то, что был использован в военных целях. «Обмороками» (смертями) «затовариваются» (опять слово из коммерческого лексикона) «оба неба», читай — и земля, и небо, в котором теперь тоже идет война. «Тусклый огонь» здесь — символ тлеющего огня войны, всегда готового разгореться в яркое пламя (о губительном свете см. в VII и VIII фрагментах).

(XV) Нам союзно лишь то, что избыточно,
 Впереди не провал, а промер,
 И бороться за воздух прожиточный —
 Эта слава другим не в пример.

Вероятно, имеется в виду борьба прогрессивной, разумной части человечества (Советского Союза? — ср. «союзно» в 1-й строке разбираемой строфы) против войны — за «воздух прожиточный», за «мирное небо над головой». В этом небе будут летать не военные бомбардировщики и истребители, а самолеты, перевозящие мирных пассажиров, пусть даже это будет избыточной роскошью в сравнении, например, с железнодорожным передвижением. Такая миролюбивая политика достойна прославления, и только она способна превратить маячащий у человечества впереди «провал» («воздушную яму», «воздушную могилу») в «промер» — четко просчитанный путь (вторая строка строфы).

(XVI) И сознание свое затоваривая
 Полуобморочным бытием,
 Я ль без выбора пью это варево,
 Свою голову ем под огнем?

От разговора о выборе целой страны Мандельштам переходит к разговору о личном выборе конкретного человека. У него теперь появилась возможность жить не в вечном страхе ожидания войны и не губить свой драгоценный интеллект (мозг, «голову») в окопах (или в размышлениях над созданием нового оружия). Строфа завершает страшную тему голода на войне, начатую еще в зачине «Стихов о неизвестном солдате».

(XVII) Для чего ж заготовлена тара
 Обаянья в пространстве пустом,
 Если белые звезды обратно
 Чуть-чуть красные мчатся в свой дом?

Чуешь, мачеха звездного табора,
 Ночь, — что будет сейчас и потом?

Для того ли небо было создано таким прекрасным и мирным, чтобы стать еще одной ареной войны, чтобы с него падали на землю, там же и изготовленные самолеты (и бомбы)? Хоть ты, темная ночь, не мать, но мачеха испускающих яркий губительный свет звезд, подобно гадающей цыганке, ответь: что ждет человечество в ближайшем и отдаленном будущем?

(XVIII) Напрягаются кровью аорты,
 И звучит по рядам шепотком:
 — Я рожден в девяносто четвертом...
 — Я рожден в девяносто втором...
 И, в кулак зажимая истертый
 Год рожденья, с гурьбой и гуртом
 Я шепчу обескровленным ртом:
 — Я рожден в ночь с второго на третье
 Января в девяносто одном
 Ненадежном году, и столетья
 Окружают меня огнем.

Как и итоговый вариант «Высокой болезни» Бориса Пастернака, темное стихотворение Мандельштама завершается чрезвычайно внятным, прозрачным фрагментом. «Я» утрачивает индивидуальные черты, перестает быть поэтом и вливается в ряды призывников на грядущей мировой войне.

Хотелось бы упредить два почти неизбежных упрека, из многих, которые могут возникнуть после прочтения этой заметки.

Первый: в заметке не прослежен сюжет «Стихов о неизвестном солдате», а, в лучшем случае, лишь вязка мотивов мандельштамовского текста. Соглашусь, но с одной оговоркой: на мой взгляд, сквозного сюжета в стихотворении и нет, а представляет оно собой именно что хаотическое развертывание нескольких мотивов.

Второй упрек: очень многие образы все равно остаются неясными. С этим соглашусь тоже, но со второй оговоркой: задача моего быстрого чтения состояла не в попытке прояснения всех образов стихотворения, а в стремлении прочитать текст на одном дыхании, охватить его единым взглядом.

Если это хоть в какой-то степени удалось, буду считать свою задачу выполненной.